

МАЙКЛ
КРАЙТОН

Эта книга — вымысел. Упоминания о реальных людях, событиях, учреждениях, организациях и местах нужны здесь лишь для того, чтобы придать вымыслу ощущение достоверности.

Все персонажи, происшествия и диалоги — плод воображения автора, их не следует считать реальными.



Вступление

На ранней фотографии Уильям Джонсон запечатлен красивым молодым человеком с кривоватой наивной улыбкой. Воплощение ленивого безразличия, он стоит, прислонившись к стене здания в готическом стиле. Он высокий парень, но как будто не пользуется своим ростом, чтобы произвести впечатление. Снимок помечен «Нью-Хейвен, 1875» — очевидно, его сделали после того, как Джонсон покинул дом, чтобы начать учебу в Йельском университете.

На более позднем снимке, помеченном «Шайенн, Вайоминг, 1876», Джонсон выглядит совсем по-другому. Его рот обрамляют усы, он стал более крепким и мускулистым, челюсти крепко сжаты; он уверенно стоит, расправив плечи и широко расставив ноги, причем по щиколотку в грязи. На верхней губе ясно виден странный шрам, который, как заявлял он в последующие годы, был получен во время нападения индейцев.

Нижеследующая история рассказывает о том, что произошло в промежутке между этими двумя фотографиями.

За дневники и записные книжки Уильяма Джонсона я в долгу перед поместьем У. Дж. Т. Джонсона, особенно — перед внучатой племянницей Джонсона, Эмили Силлиман, которая разрешила мне пространно ци-

тировать неопубликованные материалы. Значительная часть фактов из записей Джонсона появлялась в печати в 1890 году, во время ожесточенных битв за первенство между Копом и Маршем¹ — битв, в которые в конце концов было вовлечено правительство Соединенных Штатов. Но сам текст и даже отрывки из него никогда до сего дня не публиковались.

¹ В 1870—1890-х гг. между учеными Г.Ч. Маршем и Э.Д. Копом шла ожесточенная и грязная борьба за первенство в области поиска и изучения ископаемых останков, получившая название Костяных войн, или Великой гонки за динозаврами. Именно творческая переработка этих событий положена Крайтоном в основу настоящего романа.

Часть первая

**ЭКСПЕДИЦИЯ
НА ЗАПАД**



Юный Джонсон присоединяется к экспедиции на Запад

Уильям Джейсон Тертуллий Джонсон, старший сын судостроителя из Филадельфии Сайласа Джонсона, поступил в Йельский университет осенью 1875 года. По словам его директора в Экстере, Джонсон был «одаренным, привлекательным, спортивным и способным» учеником. Но директор добавлял, что Джонсон также «упрям, ленив и крайне избалован и отличается безразличием к любому побудительному мотиву, кроме собственного удовольствия. Если он не найдет своей цели в жизни, он рискует недостойным образом скатиться в праздность и порок». Эти слова могли бы послужить описанием тысяч молодых людей Америки конца девятнадцатого века, молодых людей с устрашающими, предприимчивыми отцами, с большими деньгами и без определенного времяпровождения.

Во время первого года в Йеле Уильям Джонсон исполнил предсказание своего директора. В ноябре ему назначили испытательный срок за азартные игры, а в феврале сделали это снова после того, как он сильно напился и разбил витрину торговца в Нью-Хейвене.

Сайлас Джонсон оплатил счет.

Несмотря на такое безрассудное поведение, Джонсон держался вежливо и даже застенчиво с женщинами своего возраста, потому что до сих пор ему с ними не везло. Женщины же, со своей стороны, несмотря на строгое воспитание, находили причины искать его внимания. Од-

нако во всех остальных отношениях он оставался нераскаившимся грешником.

В том же году солнечным днем ранней весны Джонсон разбил яхту своего товарища по комнате — он налетел на мель, ведя ее вокруг Лонг-Айленда. Судно затонуло за несколько минут; Джонсона спас проходивший мимо траулер. Когда его спросили, что произошло, он признался недоумевающим рыбакам, что не умеет ходить под парусом, потому что «учиться этому так скучно. И в любом случае дело кажется довольно простым». Во время стычки с соседом по комнате Джонсон сознался, что взял яхту без разрешения, поскольку «искать тебя было слишком хлопотно».

Оказавшись лицом к лицу со счетом за погибшую яхту, отец Джонсона пожаловался своим друзьям, что «стоимость обучения юного джентльмена в Йеле в наши дни разорительно высока».

Отец Джонсона был серьезным сыном шотландского иммигранта и прилагал все усилия, чтобы скрыть выходы своего отпрыска; в письмах он не раз убеждал Уильяма найти какую-нибудь цель в жизни. Но избалованного Уильяма как будто вполне устраивало такое легкомыслие, и, когда он объявил, что собирается провести предстоящее лето в Европе, его отец заявил: «Перспектива этого наполняет меня крайним финансовым ужасом».

Поэтому семью Уильяма удивило, что летом 1876 года тот внезапно решил отправиться на Запад. Джонсон никогда открыто не объяснял, почему изменил свои планы, но в Йеле близкие к нему люди знали, в чем тут причина. Он решил отправиться на Запад из-за пари.

Вот его собственные слова из дневника, который он скрупулёзно вел: «У каждого молодого человека, наверное, в тот или иной момент жизни есть главный соперник, и в мой первый год в Йеле у меня тоже появился

такой. Гарольд Ганнибал Марлин был моим ровесником, ему было восемнадцать лет. Красивый, спортивный, с хорошо подвешенным языком, купающийся в деньгах, он к тому же явился из Нью-Йорка, который считал во всех отношениях выше Филадельфии. Я считал его невыносимым. Он отвечал мне взаимными чувствами. Мы с Марлином соперничали везде: в аудитории, на игровом поле, в ночных студенческих проказах. Не было ничего, в чем мы бы не состязались. Мы непрерывно спорили, всегда придерживаясь противоположных точек зрения.

Однажды вечером, за ужином, он сказал, что будущее Америки лежит в развитии Запада. Я ответил, что ничего подобного: будущее великой нации вряд ли может основываться на обширной пустыне, населенной дикими туземными племенами. Он возразил, что я сам не знаю, о чем говорю, потому что ни разу там не бывал. То был большой вопрос — Марлин и вправду побывал на Западе, добирался по меньшей мере до Канзас-сити, где жил его брат, и никогда не упускал случая выказать свое превосходство, стоило речи зайти о путешествиях. Мне ни разу не удавалось его в этом побить.

— Отправиться на Запад — плевое дело. На это способен любой дурак, — сказал я.

— Но ни один дурак туда не отправился... По крайней мере ты — нет.

— У меня никогда не было ни малейшего желания туда ехать, — ответил я.

— Я тебе скажу, что я думаю, — заявил Ганнибал Марлин, оглядевшись, чтобы проверить, слушают ли остальные. — Я думаю, ты боишься.

— Абсурд.

— О да! Тебе больше подходит милая прогулочка в Европу.

— В Европу? Европа — для стариков и сухих ученых.

— Помяни мое слово, нынче летом ты отправишься путешествовать по Европе. Может быть, с зонтиком от солнца.

— Если я туда и поеду, это не значит...

— Ага! Видите? — Марлин повернулся к собравшимся за столом. — Боится. Боится.

Он улыбнулся понимающей, снисходительной улыбочкой, которая заставила меня возненавидеть его и не оставила мне выбора.

— Вообще-то, — холодно проговорил я, — я уже решил нынче летом съездить на Запад.

Это застало его врасплох; его самодовольная улыбка застыла.

— А?

— Да, — сказал я. — Я еду с профессором Маршем. Он каждое лето берет с собой группу студентов.

На прошлой неделе в газете появлялось это смутно запомнившееся мне объявление.

— Что? Старый толстый Марш? Профессор костей?

— Верно.

— Ты отправляешься с Маршем? Условия в его группе спартанские, и, говорят, он заставляет парней немилосердно работать. Это совсем не в твоём духе. — Марлин прищурился. — Когда уезжаешь?

— Он еще не назвал нам дату.

Марлин улыбнулся:

— Ты никогда в глаза не видел профессора Марша и никогда с ним не поедешь.

— Поеду.

— Не поедешь.

— Говорю тебе, это уже решено.

Марлин вздохнул в своей покровительственной манере:

— У меня есть тысяча долларов, которая говорит, что ты не поедешь.

За столом к нему уже переставали прислушиваться, но теперь он вернул себе всеобщее внимание. Тысяча долларов была внушительной суммой в 1876 году, даже если просто переходила от одного богатого мальчишки к другому.

— Тысяча долларов говорит, что ты не отправишься на Запад с Маршем нынче летом, — повторил Марлин.

— Да, сэр, пари принято, — отозвался я.

И в тот же миг осознал, что, пусть и не своей вине, теперь я целое лето проведу в какой-то ужасной жаркой пустыне в компании известного психа, выкапывая старые кости».

Марш

Помещения профессора Марша находились в музее Пибоди в кампусе Йеля. На тяжелой зеленой двери большими белыми буквами было написано: «Проф. Г. Ч. Марш. Прием посетителей только по предварительной записи».

Джонсон постучал. Ответа не последовало, поэтому он постучал снова.

— Уходите!

Джонсон постучал в третий раз.

В центре двери открылось маленькое окошко, и в нем появился глаз.

— В чем дело?

— Мне нужно повидаться с профессором Маршем.

— Но нужно ли *ему* повидаться с вами? — спросил глаз. — Я в этом сомневаюсь.

— Я по объявлению.

Джонсон поднял газету с объявлением, опубликованным на прошлой неделе.

— Простите, вы опоздали. Все места заняты.

Дверное окошечко захлопнулось.